

A vibrant, stylized illustration of a space exploration scene. In the foreground, an astronaut in a white and grey suit with a large backpack and helmet is walking across a rocky, orange-brown landscape. The astronaut is holding a tool that emits a blue light. In the background, another astronaut is visible, and a large, bright blue planet with a white ring system dominates the sky. The scene is filled with floating rocks and a sense of vastness.

Пётр Левин

Останутся наши следы

18+

Пётр Левин

Останутся наши следы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70001488

SelfPub; 2023

Аннотация

Александр улетел в созвездие Альфа Центавра на тысячу лет, чтобы завершить терраформацию планеты. По договору компания меняет тела Александра каждый раз после старения. Спустя пятьсот лет Александр понимает, что ввязался в дурную историю.

Пётр Левин

Останутся наши следы

– Александр, дело плохо, у вашего тела рак головного мозга. Оно скоро умрет. Четвертая стадия – неоперабельная.

– Сколько осталось, доктор?

– Три-четыре недели. Настоятельно рекомендую обновиться в ближайшие несколько дней, а лучше завтра. Я вволю нужные лекарства, но риск слишком велик, уж вы не откладываете... Месяц назад проверка не выявила болезнь – в вашем возрасте бывает, что опухоль развивается молниеносно.

– Я так привык к этому телу, что уже не знаю, а стоит ли его дальше менять. Может хватит, закончим на этом?

– Это не мне решать.

Александр – стопятидесятилетний старик с гладким лицом и провалившимися в череп глазами, невысокий, худой, в белой майке, черных джинсах, белых носках и синих кроссовках. В затененное окно били жаркие лучи Альфы Центавра «а». Ее меньший брат с литерой «b» прятался за спиной, он ждал своего часа, чтобы вступить в игру и раскалить атмосферу с восьмидесяти пяти до ста тридцати градусов по Цельсию. В кабинете стояла прохлада, Александр чувствовал, как ноги и душа мерзли, а голова кружилась. Пациент и доктор сидели на стульях напротив друг друга, их колени

почти касались. Правой рукой доктор опирался на стеклянный стол, на котором лежал инъекционный пистолет.

– Протяните руку! – сказал доктор.

Александр вытащил из кармана джинс правую руку с золотым обручальным кольцом на безымянном пальце и положил на колени сидящего напротив доктора.

– Холодная! – доктор взял руку пациента левой рукой, правой – пистолет со стола и вколол Александру в запястье инъекцию.

Старик откинулся на спинку стула, закрыл глаза и глубоко вдохнул. Калейдоскоп чувств охватил тело. Будто нектар попал в кровь и наполнял органы жизненной силой, а душу – сладострастной негой.

Через час Александр сидел в большом кресле в кабинете своего начальника – замдиректора корпорации «Октоплюс».

– Михаил, отпустил бы ты меня. Сил совсем нет. Душу выворачивают страдания. Я не хочу дальше продолжать кататься на этой бессмысленной карусели.

– Эх, Саша, Сашенька! У тебя контракт!

Михаил, высокий красивый двадцатисемилетний мужчина с короткой бородой, в красной рубашке и синих джинсах, коричневых кедах, стоял у панорамного окна во всю стену и смотрел на снующие друг за другом грузовые автолеты. Мужчина провел рукой в воздухе и перед ним появился экран с документом.

– Пожалуйста, контракт. Ты подписал своей ЭЦП. Пятьсот восемь земных лет назад. Договор действует тысячу лет. Так что время не пришло. Я понимаю, что все это тебе в тягость. Ты же рефлексирующий идиот! Каким был пятьсот лет назад, таким и остался. Мир изменился, а ты нет, Саша! Но ты хороший техник-физик. Нет, я так не могу на сухую!

Раздвижная дверь плавно отъехала, и в кабинет впарил робот-бармен. Это была высокая тумбочка-экран с двумя руками-манипуляторами. Шторка с видео идущих по полю жирафов на животе робота съехала вниз, обнажив бар с различными закусками: блины, колбасы, сыры, рыба красная, икра, орехи, шоколад. Продукты были поделены на порции, разложены по тонким пластмассовым тарелкам, обтянуты пленкой. Михаил облизнулся.

– Водки хочу! Давай сто пятьдесят! За твое, Александр, здоровье!

Бармен соединил указательный и большой пальцы на левом манипуляторе. Из образовавшегося кольца выдавился сверхтонкий прозрачный стакан на двести миллилитров. Робот занес над стаканом указательный палец правой руки, из него полилась жидкость.

Михаил протянул руку и взял наполненный стакан, повернулся к окну, выдохнул, большими глотками выпил и задержал на несколько секунд дыхание. На глазах выступили слезы. Жизнь снова наполнялась смыслом и хотя бы на миг можно было забыть о рутине.

– Только обед. Пожалел бы печень. Меняешь тела как перчатки, – Александр поворачивал кресло то влево, то вправо.

– А ты думаешь, я просто так пью? Может я не меньше тебя хочу прекратить эти дни сурка! Только алкоголь и спасает... И заметь, мы одни и те же диалоги ведем с тобой сотни лет. По кругу! И каждый раз по новой! Ты их не помнишь, а я записываю в дневник и перечитываю! Это же... Представь себе Дракулу, вампира, которого заперли в стальном гробу. Гроб обмотали цепями и закопали под сосенкой. И вот Дракула лежит в полной темноте со своими мыслями в голове. Год лежит, два лежит. Сотни лет лежит, тысячи! Вот также и мы с тобой. Да-да, не ты один! Я тоже заперт в этом гробу. Весь наш проклятый мир – заколоченный гроб. И выход только один!

На этих словах Михаил щелкнул пальцами. Панорамное окно выключило улицу. Потолок усилил яркость освещения.

– Вот видишь, я щелкаю пальцами. И прошу вслух робота налить мне водки. Хотя подтвердить действиями мысли не требуется. А почему я так делаю? Да потому что мне тоже, как и тебе, все это не нравится! Но я приспособился. Да, пью. Да, каждый день! Приходится. Тоска гложет. И тоже, как и тебе, хочется на Землю. Мечтаю погулять по лесу, а не по этим пластмассовым коридорам! Но я терплю. И ты потерпи. Меньше пяти сотен земных лет осталось! Закончится контракт, – и гудбай на Землю! А мне ведь тоже скоро тело менять. Печенка не выдерживает. Да и мозг плохо сообра-

жать стал, доктор говорит, нейронные связи рвутся.

Михаил протянул стакан роботу.

– Капни еще грамм сто что ли...

Александр поднял голову и посмотрел на Михаила.

– А ведь это не доктор нас принимает. Доктора так не говорят! Это участливая машина, которую запрограммировали обрабатывать шаблонные эмоции. Вроде и правильные слова говорит, и верная мимика на лице и теле, и руки теплые, и шутит. Но это не человек, – проговорил Александр.

Михаил выпил новую порцию водки, скривил влажный рот и схватил протянутый барменом жирный горячий блин с икрой. Стал его, обжигая губы, с жадностью есть.

– Как же вкусно! После водочки, а! Ты бы выпил. Пятьдесят грамм! Ну или вина хлебни. У нашей компании великая миссия, великая цель! Планета сама себя не терраформирует. Надо работать! Доктор прислал сообщение, что завтра на двенадцать назначен твой переезд. Попрощайся со стариком и выбери на этот раз нормальное тело. Пару месяцев назад как раз пришла интересная партия с Земли.

Позже Александр лежал на кушетке в своем номере и смотрел на темно-синий потолок-экран, по которому плавали скаты. Пятьсот восемь лет назад, в 2671 земном году, он подписал контракт, который навсегда изменил его жизнь. По договору он, тридцатитрехлетний инженер-технолог, должен был улететь на экзопланету Зидал в созвездии Центавра и проводить ее терраформацию, которая должна

завершиться к 3671 году.

Александр – воспитанник коммуны, отца и матери не знал. Он решил, что контракт даст ему новые возможности. Во-первых, работодатель по договору обязуется обеспечить ему бесплатные тела на весь срок действия контракта. Во-вторых, полет на другую планету – это приключение, которое далеко не каждый на Земле может себе позволить. И в-третьих, это, конечно, деньги. За тысячу лет набегала приличная сумма, которой хватит еще на две тысячи лет безбедной жизни с обновлением тел.

Новая технология замены тела начала применяться в 24 веке. А к 2671 году это была обыденность и можно сказать рутина. Но, конечно, для тех, у кого есть деньги. Теперь богачи могли есть и пить в свое удовольствие, болезни им были не страшны. А как только тело приходило в негодность, его меняли. Процесс проходил быстро и безболезненно. Сначала человек выбирал по каталогу тело, общаться было нельзя. Потом клиент и тело ложились на кушетки, как правило в разных кабинетах, врач надевал на головы специальные шлемы – а дальше было дело за технологиями. Сверхмощный квантовый компьютер перекачивал информацию с нейронов головного мозга пациента в новый мозг. Это было не копирование, а именно перекачивание.

Самый интересный вопрос в том, откуда брали тела. К 24 веку мировое объединенное правительство полностью контролировало жизнь граждан, науку и корпорации. И ни о

какой подпольной организации «для пересадки души» речи быть не могло. Правительство разработало специальный закон под номером 169 600, так называемый «Кодекс пересадки», по которому любой гражданин мог заключить контракт на продажу или жертвование тела. Обычно такие контракты подписывали бедняки, чтобы обеспечить семью, но были и прожигатели жизни, которые заключали контракт с отсрочкой, гуляли на всю катушку (с учетом ограничений, который накладывал договор), а потом их тело занимал другой. Были и жертвователи, а также самоубийцы и те, кому просто хотелось испытать что-то новое, пусть и в последний раз.

В 24 веке не было религий. Только наука правила умами. Все люди так или иначе знали, что жизнь конечна, а значит, получается, бессмысленна. И поэтому неважно, когда ты умрешь – завтра или через тысячу лет – конец будет один.

Сейчас Александр думал обо всем этом и в который раз прокручивал мысли о бренности и бессмысленности человеческой жизни. Нет, конечно, можно как его начальник Михаил раз в десять лет выбирать молодое тело, насиловать его, пока чувства новы и рецепторы не притупились, а затем менять на новое. Но кроме тела есть же еще человеческая душа, так сказать внутреннее «я», которое живет хоть и не в отрыве от тела, но все же играет самостоятельную роль, тоскует, страдает. Да, пусть это все химические реакции в мозгу. Пусть! Но ощущение-то никуда не деваются, чувства, хоть и объясненные наукой, существуют на самом деле.

– Я все забыл. Все. Только какие-то обрывки. Как я в детстве гладил кота, как убивал пауков камнем, как упал с лестницы и сломал ногу. Только эти три воспоминания. А может это не воспоминания, а сны? Я живу одним днем. Одним днем, – думал вслух Александр, – и это обручальное кольцо на пальце... Я не помню, почему я решил оставить его!

Александр проснулся в семь утра. Почувствовал сухость во рту. На потолке высветился каталог с девятью мужчинами. Под каждым фото была краткая справка: возраст, рост, вес, цвет глаз. Ни имен, ни профессии... Это были проверенные врачами, здоровые мужчины, которые добровольно за плату согласились стереть личность с мозга.

Александр стал листать анкеты одну за другой и остановился на самом молодом двадцатидвухлетнем человеке. «Если не я, то Михаил заберет это тело и лет через семь выбросит», – подумал Александр.

В двенадцать часов Александр пришел в кабинет доктора. Две кушетки были готовы принять пациентов. За окном-экраном горели звезды и уличные фонари подсвечивали мокрую дорогу, по которой торопливо шли люди, кутаясь в куртки. Картинка была живая, будто настоящая, и если не знать, что это все фантазии искусственного разума, то невольно веришь, что за окном Земля.

– Александр, ложитесь на правую кушетку, – скомандовал доктор.

Александр сел на кушетку, развернулся и лег на спину.

Доктор одел на голову пациента шлем и попросил не вертеть головой. Александр повернул глаза вправо и увидел, как между кушетками опустилась ширма-экран, по которой на фоне голубого неба плыли белые кудрявые облака в виде львов, слонов, бегемотов. Врач вколол в запястье инъекцию. Заиграла расслабляющая музыка.

Сквозь дрему Александр слышал – а может ему это приснилось – как в кабинет кто-то зашел. А дальше – как в небытие. Рубиновые волны накрыли одна за другой.

– Я не хочу умирать.

– А я не хочу жить!

Через три часа Александр открыл глаза, повернул голову сначала вправо, затем влево. Слева от него на кушетке лежало накрытое простыней старое тело. Из-под белой ткани торчала старческая рука с обручальным кольцом на безымянном пальце.

Доктор снял с нового тела Александра шлем.

– Теперь вы здоровы, Александр! Рак четвертой стадии вам не страшен, – сказал доктор и улыбнулся.

Александр сел на кушетку и еще раз посмотрел на обручальное кольцо.

– Я, пожалуй, заберу колечко. Я без него как голый! Столько лет носил! – сказал Александр, – оно принадлежало этому человеку, но не думаю, что он расстроится, если я продолжу носить...

– О, этого не может быть, дорогой Александр! По про-

токолу люди для пересадки прилетают без личных вещей. Только работники корпорации вправе взять в полет что-то с Земли.

– Тогда чье это кольцо?

– Не знаю! Но готов предположить, что ваше!

Александр встал с кушетки, взял в левую руку правую руку бывшего себя и попытался правой рукой снять кольцо с пальца. Но оно крепко держалось, словно вросло в плоть.

Доктор мягко положил левую руку на плечо Александра.

– Ничего, ничего. Я принесу вам. Не беспокойтесь.

Александр повернул голову и посмотрел в лицо андроида.

В глазах Александра стояли слезы. Настоящие соленые слезы, но не от горькой водки или едкого дыма, а от чувства – не мысли, чувства – что эта жизнь, какой бы долгой она ни была, бессмысленна, беспощадна.